

Галина
Череди́й

R+R FOREVER

Перерождение. Бонус

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Галина Череди́й
R+R FOREVER

(Перерождение. Бонус)

Серия «Городские оборотни», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44741962

SelfPub; 2025

Аннотация

Помните Риэра и Рори? Скучали по ним? Хотите знать, как у них дела дальше? Тогда этот бонус для вас. Итак, добро пожаловать снова в мир городских оборотней. Посмотрите, что творится в их жизни дальше, как меняются отношения взрывоопасной парочки, и выдержат ли они столкновение накопленных прежней жизнью заморочек. Осторожно! Это очень-очень горячо! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Галина Череди́й

R+R FOREVER

(Перерождение. Бонус)

Глава 1

«Мерзость». Вот единственное слово, которое назойливо вращалось в моей голове еще с того момента, когда мы получили полную информацию по этому гребаному притону извращенных ублюдков, носящему гордое название «Закрытый клуб «Прихоть». «Мерзость-мерзость», – набирало обороты, когда мы с Витрисом получили-таки туда доступ и убедились, что все самые отвратительные слухи правдивы. На нижнем, подвальном, этаже здесь держали нескольких обращенных детей, над которыми могли практически без всяких ограничений измываться богатые ушлепки с большими мозгами. «Мерзость-мерзость-мерзость», – сверлило мой мозг от одного только понимания, что там с ними вытворяют и сколько же несчастных детей украдено из семей, обращено и просто не выжило, и все ради того, чтобы создать эти живые секс-игрушки. Процент подростков или даже малышей, способных преодолеть первый переворот, ничтожен. А сколько их могло быть прежде? Даже потрясающая регене-

рация юных оборотней недостаточна, если долбаный садист совсем слетит с катушек, удовлетворяя свой зверский аппетит. Зверский... и это при том, что большинство из них просто люди. Парадокс, да?

Прикрыв глаза, я позволил возникнуть перед своим мысленным взором Рори. Мой боевой отчаянный пупс. Моя маленькая кусачая женщина, с языком, словно опасная бритва. Хрупкая статуэточка, которую охота спрятать за пазуху, если только не боишься остаться без пальцев. Отвязная самка, владеющая всеми оттенками моей похоти, будто они ее индивидуальное изобретение и только ей принадлежали эксклюзивные права. Да, хрен с ним, принадлежали. И я от этого тащился, кому не нравится – пошли на хрен. Опять же, не мой, ибо мой стояк – теперь суверенная собственность одного изящного, страстного и необычайно консервативного в плане количества партнеров пупса. И я не жалуясь, ведь тоже в отношении нее страдаю неким подобием умственного расстройства, заставляющего игнорировать все нормы веками пропитывавшей меня цивилизованности и прежнего образа жизни, гласящего, что контакт двух тел – лишь действие исключительно ради удовольствия, все остальные составляющие такого контакта, как, например, установление близости и глубоко интимной связи, опускаются за ненадобностью. И вот даже не упоминайте мне о самой главной функции секса – зачатию. Не сейчас, не после того, когда я видел, что вытворяют с такими слабыми созданиями, как дети. Мое

собственное детство вообще тут не в счет!

Так, стопэ! Куда меня несет, мотыля как тупого лоха, попершегося по серпантину в гололед на лысой резине. Че за херня? Недотрах, что ли? Сто процентов. Что-то мы с Рори в последнее время вечно заняты. Не так, что вообще не видимся, но... Спустя семь лет наша жизнь скорее напоминает череду встреч и расставаний, отношения людей, очень близких и занимающихся одним делом, стремящихся к одной цели... и движущихся иногда вроде как параллельными курсами. Направление одинаковое, а пересечений все меньше.

– Риэр, начинаем? – прошелестел в рацию Вадим.

Блин, и с чего это меня посетили такие сопливые мысли? Что за идиотизм, ей-богу! Все, что мне... нам нужно, – это запереться, на хрен, у себя в доме с недельным запасом продуктов и вытрахать это мелодраматичное дерьмо из моих мозгов, а вместе с ним и видимость какой-то дистанции, что приглючилась между мной и Рори.

– Пошли! – скомандовал я, едва мой телефон пиликнул сообщением от Витриса. Он открыл нам стальную дверь клуба, а это значит, что для находящихся внутри хозяев заведения, одного со мной вида, и для посетителей, плевать какого, которых мы найдем ниже первого этажа, наступил гребаный судный час и его никто из них не переживет.

Настоящей злости во мне не было, пока мы без труда прорывались сквозь визжащую и паникующую толпу, одновременно и прорежая ее. Не все отсюда выйдут, ой не все, но и

не жалко – все мир почище будет.

– Риэр, ты тут нужен! – в голосе Витриса, крикнувшего со стороны лестницы, сильное напряжение, и я уже ощутил его причину.

Ментальная ударная волна силы альфы рвется оттуда, прошивая меня, бросая вызов, запуская неминуемое обращение. Витрису и остальным не выстоять против такого, а для меня не проблема. Была бы тут Рори, вообще не сходя бы с места размазала этого изврата – владельца клуба – по стене, оставив лишь пятно, но я перестал брать ее на силовые операции по поиску и вызволению обращенных после первого же ее участия. Творилось там такое... Зверорожденные ох как неохотно расставались с вековыми привычками относительно положения обращенных, некоторые фанатично готовы были драться за право кусать тех, кого сочтут нужным, и иметь их в качестве рабов. Нет, даже не сам факт, что она участвует в подобной мясорубке, меня смущал. А то, какими глазами она смотрела в первый момент на освобожденных. Одно дело – потом общаться с ними в процессе реабилитации, но совсем иное – видеть воочию их, иногда в цепях, клетках, бывало, привязанными к станкам для секса, распятым, в крови и ранах, пропахших унижением и чужой низменной похотью, сломленных, с пустыми, лишенными всякой надежды глазами. Короче, бесилась Рори страшно, но смирилась.

– Ты! Предатель своего вида! – зарычал на меня альфа-хо-

зьяин, имени которого и знать не хочу. – Я ведь слышал о тебе! Это обращенная шлюха сделала из тебя послушного своей воле пса! Ты позор, а не альфа!

Я безразлично кивал ему, зажатому моими парнями в угол, но не способными напасть на него, пока урод так щедро поливал их подавляющим воздействием. Его сука-жена, добровольно участвовавшая в бизнесе, уже валялась со свернутой шеей на полу, как и несколько членов их стаи и прихлебателей.

– Ребятки, идите освобождать пленников! – приказал я, быстро снимая одежду и пристраивая ее подальше в чистом местечке. А то с этими резкими обращениями шмоток не напасешься.

– По твоей вине наш вид выродится! Старые законы должно блюсти! – продолжал плевать ядом мой противник, но голос его уже ломался, сигнализируя о скором перевороте. – Дерьмо! Ничтожество! Подкаблучник!

Я не стал ему отвечать. Он этого не заслуживал. Сменил ипостась, и мы сшиблись, разнося все вокруг и кромсая друг друга когтями и зубами. Впрочем, закончилось все слишком быстро. Гребаный слабак, только и умевший, что унижать и насиловать тех, кто заведомо слабее, сдох через краткие секунды.

– Так, нужно поторапливаться! – крикнул Витрис, вынося на руках девочку с огромными синими глазами максимум лет одиннадцати. – Полиция может нагряться через считан-

ные минуты.

Я еще не успел одеться, когда из задней части подвала появился Костя, придерживая за плечи мальчишку-подростка, единственным прикрытием наготы которого было похабного вида бордовое покрывало с кистями, похоже, сорванное где-то по ходу. Едва заметив меня, мальчишка рухнул на колени, скручиваясь в клубок, и взвыл отчаянно и истошно, на одной, вынимающей душу ноте. И я сразу вспомнил момент, когда нашел однажды Витриса. Посмотрел на трупы альфы и его пары, и захотелось оживить их и прикончить еще раз, уже на глазах мальчишки-жертвы.

– Шеф, притуши чуть свои альфа-волны, – попросил Костя, поднимая парня на руки. – Даже мне не по себе, а ему-то вообще от них худо.

И то верно. Злость все еще кипела во мне, не найдя достаточного выхода в поединке.

В личный самолет Исаятари я садился последним, подождав поодаль, чтобы детей подняли на борт и устроили в хвостовой части с ванной и спальней. Полностью отпустить свою ярость при виде этих запуганных и сломленных созданий не выходило, а провоцировать новые припадки их паники, тем более в воздухе – не слишком удачная идея. Детвора там или нет, но они все же были оборотнями, а значит, ущерб, если начнут бушевать от страха, способны нанести немалый. Парень и так до сих пор не мог успокоиться, и я продолжал слышать его нечеловеческий вой даже сквозь шум двигате-

лей. Поганый, поганый мир, в котором возможны такие вещи с детьми. Временами я слегка ненавидел Рори, что, ворвавшись в мою жизнь, не позволила игнорировать вот такое дерьмо, как мне это неплохо удавалось раньше, отгораживаясь «мне не под силу изменить все вокруг» ширмой. Было проще, не так, как сейчас, что аж до блевоты, до отвращения ко всему и всем. Но, как ни крути, я, безусловно, и обожаю мою маленькую упертую колючку. За негибаемость, за неумение быть эгоистичной, за то, что, несмотря на все изменения, которые произошли в ней, это не отняло, не стерло ее человеческой сути. Вытащив телефон, набрал ее номер.

– Р-р-риэр-р-р! – проворчала она сонно. Расслышав шуршание простыней, представил Рори лениво перевернувшейся и потянувшейся в нашей постели, и у меня тут же встал. – Все в порядке?

Ни хрена не в порядке. Я один здесь, в долбаном самолете на другом конце света, со стояком, которому некуда податься, отвратительным настроением, а ты черт-те где, тоже одна, спишь в постели, что не пахнет прямо сейчас нашим сексом, способным все что угодно исправить и сделать приемлемым, даже наличие того факта, что существуют и будут существовать твари любого вида, делающие появление на свет потомства опасным квестом или полной безответственностью. Seriously, если знаешь и видишь вот такое, то совершенно непонятно, как у кого-то хватает смелости или беспечности производить их на свет!

– Мы прилетаем часов через восемь! – отпихнул я от себя все эти идиотские мысли, что отчего-то перли и перли из моего разума. У меня что, гребаное воспаление мозга приключилось внезапно? Что за сопли по кругу? – Мой член соскучился по тебе и торчит колом так, что я наверняка буду хромать, спускаясь по трапу. Так что никаких сегодня походов на работу, пупс. Вообще до конца недели освобождайся! Встреть меня дома голой и готовой!

– Раскомандовался-а-а-а! – протянула Рори, а я прямо-таки увидел, как ее губы растянулись в улыбке. Зараза. Как же мне сейчас нужно исцеловать ее, впитать, поглотить и потребовать еще. – Я тоже дико соскучилась.

– Естественно! Тебе и положено скучать! – ухмыльнулся я нахально, поправляя неумемного повстанца в джинсах. – Тебе достался такой охрененный самец в единоличное пользование, и я весьма удивлен, что застаю тебя спящей, а не рыдающей от тоски в разлуке!

– Обещаю, начну рыдать, как только положу трубку, – захихикала Рори, и да-а-а-а, вот тут мне совсем захорошело. Житуха не такое уж и говно, пока моя женщина способна издавать эти тихие счастливые звуки. Лучшие в мире, после стонов и всхлипов ее оргазмов.

– Ладно, на этот раз ты прощена! – Я и сам расплылся, словно идиот, ощущая, как волны душевного расслабления проникают все глубже. – Короче, жди меня! Программа на ближайшие дни: секс, еда, секс, сон и, само собой, секс-секс-

секс!

Связь прервалась, но я довольно прикрыл глаза, вытягиваясь в кресле и удерживая внутри звук хриплого чувственного смеха моей пупсятины.

Глава 2

После разговора с Риэром я укрылась с головой, не в силах прекратить улыбаться, и, перевернувшись, честно старалась опять уснуть. Но отчего-то не выходило. Мало того, что тело наполнилось тоскливой истомой, жаждой немедленно получить его прикосновения, которой не было дела, что существуют такие вещи, как время и расстояние, кроме этого нечто в его вроде бы извечно самоуверенном, насмешливом голосе... царапало, что ли? Создало какую-то неуместную шероховатость в общей гладкости бытия, что осело неприятным давлением в районе затылка, а после стало постепенно сползать по позвоночнику ниже, распространяя заставляющие зябко поежиться щупальца в центр груди, где внезапно обнаружилась крошечная, но отчетливо ощущающаяся зона пустоты. Откуда, блин, ей взяться? У нас все хорошо! В смысле, не просто «все окей, не лучше и не хуже, чем у других пар, проживших вместе уже не один год». Реально хорошо. Лучше, чем я мечтала когда-либо прежде, наблюдая за жизнью окружающих семейных людей. Мы могли цепляться из-за не имеющих особого значения бытовых мелочей, но в итоге наши препирательства, по заведенному издавна обычаю, заканчивались бурным примирением в постели, стиравшим любые ростки взаимного раздражения, и нашему сексу по-прежнему легко стоило присваивать самый

высший бал из существующих. И еще десять баллов сверху. Но помимо всего этого у нас еще было по-настоящему общее дело. Не бизнес, не сиюминутная суета ради благосостояния, не гребаное хобби, дабы убить время, а идея, ради которой мы оба готовы были впахивать, не жалея сил. Изменять древние законы и отношение к обращенным со стороны Зверорожденных оказалось задачей опасной, трудоемкой, длительной, нерво- и финансово- затратной, но каждая потраченная на это минута и капля сил стоили этого безусловно и несомненно. И до сих пор я не устаю восхищаться изменениями, случившимися в Риэре, и если бы была религиозной, то молилась бы о том, чтобы так и оставалось, и однажды его альфа-суть не решила уйти в несознанку, и не вернулось изначальное похерестичное отношение к проблемам, что он мог счесть чужими, не входящими в сферу его жизненных и территориальных интересов. Ведь, как ни крути, Зверорожденные на уровне подкорки хранили инстинкты и потребности своей животной природной половины, а у нее весьма практичный подход к вопросам целесообразности выживания слабых и необходимости спасать их и защищать.

– Вот с какого перепугу нужно думать о таком в долбанные четыре утра?! – возмутилась сама на себя и с досадой стукнула по тому месту, где зародилось это противное ощущение, напоминая своему расшалившемуся разуму, что все мои внутренние органы находятся на месте и никаких пу-

стых пространств там нет и быть не может.

Ладно, уснуть, видно, больше не светит, так не смотаться ли в Дом Спасения сейчас, чтобы действительно освободить больше времени на уединение с Риэром, когда он прилетит?

Только вышла из спальни, Барс сразу вскочил с подлокотника монстродивана и, бодро потянувшись для своих уже не юных лет, спрыгнул на пол, деловито направляясь в сторону кухни, намекая на то, что, по его мнению, являлось первой моей обязанностью.

– Не-а, доктор сказал, у тебя лишний вес, так что пролетаешь ты пока со жрачкой, дружок! – объявила я ему и торопливо умотала в ванную, потому как, знаете ли, не особенно приятно получать в спину басовитые проклятия голодного котяры, даже если и уверена, что не такой уж он и голодный и на его запасах жира можно пережить краткий апокалипсис, что не есть полезно в его годы. Но все равно, умнее трусливо смыться до того, как от возмущения он не перешел к откровенному вымогательству с заунывными воплями умирающей от истощения баньши, вынудив меня сломаться.

Спустя час я уже открывала пультом ворота, въезжая на территорию, прилежащую к Дому Спасения, зевая во весь рот и кивая Мише, дежурившему сегодня на входе.

– Ты чего в такую рань? – спросил он. – У нас все вроде тихо, без происшествий.

– Риэр сегодня прилетает, – ответила, подавляя очередной зевок, и парень усмехнулся, не нуждаясь в дальнейших

пояснениях.

«Вход воспрещен альфам и стервозным сукам!» – гласила ярко-красная надпись на двери в корпус, и это была никакая не шутка. Большинство наших подопечных, находящихся на реабилитации, нуждались в ограждении от той властной энергии, что вольно или невольно излучали альфы вокруг себя. А учитывая, что зачастую именно Зверорожденные бабы проявляли чудовищную жестокость к обращенным, удовлетворяя требования своей подавляемой при самцах агрессии, то и их тут не ждали с распростертыми объятиями.

Так как почти все спали, я поплелась в свой кабинет и погрузилась в море-окиян организационно-хозяйственной работы. Как-то так постепенно сложилось, что я на себя ее взвалила, после того, как Риэр отсек меня от оперативного участия непосредственно в поисках и освобождении. Естественно, я нашла выход своей энергии, нагибая (большей частью в переписке и общению по телефону) альф тех стай, что были пойманы на незаконном отныне использовании обращенных. Оторвать кому-то башку в назидание окружающим – жест, конечно, крайне убедительный и эффектный, но последующих проблем не решающий. Мертвые Зверорожденные бесполезны в финансовом смысле, а главное – не способны усвоить урок на будущее. Теперь же пойманные за руку должны были платить долго и много, столько, чтобы хватало на устройство в жизни их практически рабов и на содержание Дома Спасения. Да и до самих чистокровных засран-

цев медленно, но неуклонно доходило, что следовать старым традициям – слишком дорогое удовольствие. В районе десяти появилась Маша, заглянув ко мне лишь мельком и тут же умчавшись в детскую половину проводить тех бедолаг, о которых с самого начала этого нашего проекта заботилась с какой-то почти отчаянной, яростной тщательностью. Так и не добившись от Сая согласия на их общего ребенка, она нашла частично применение своему материнскому инстинкту, но я не слепая и часто замечала тень никуда не девшейся тоски в ее глазах. К сожалению, пока Двоедушный не сдвинется со своей позиции, никакого способа разрешить их ситуацию не существовало. При этом я восхищалась Машей, потому как сама в определенной... ай, блин, в очень весомой степени избегала прямого взаимодействия именно с насильно обращенными детьми. Очевидно, мой материнский инстинкт дремал, был в длительном отпуске, вообще отсутствовал... короче, не важно. Суть в том, что находиться в обществе существ, не достигших определенного уровня зрелости, для меня было некомфортно уже долгое время, и я всеми способами этого избегала, и спасибо господи за то, что есть Маша! Невольно я опять потеряла засаднившие ребра, бормоча под нос проклятья, и углубилась в работу.

Телефон зарычал «Раммштайн», установленный на вызовы Риэра. Схватив его, глянула на время и выругалась, перед тем, как ответить. Прижав плечом гаджет, стала торопливо собираться.

– Почему это мне кажется, что ты вовсе не дома, Рори? – заворчал мой мужчина.

– Потому что ты меня прекрасно знаешь? – усмехнулась я, буквально пробегая весь коридор.

– Пупс, я, между прочим, нисколючки не шутил насчет того, чего хочу, как только увижу тебя. И мне вот совершенно плевать на все, что будет вокруг. Где найду – там и войду!

Нет, ну разве не романтик он у меня? Поэт! Я вся просто дрожу. В смысле, кроме шуток, когда он так говорит, я действительно дрожу, изнутри и снаружи, чувствуя себя похотливой оторвой, которой срочно нужен член. Один строго конкретный член и несомненно властный, наглый, дико озабоченный мужик, что к нему прилагается.

– Будто я сомневаюсь! – фыркнула, запрыгивая в машину. – Нет ничего, к чему бы ты относился серьезнее, чем к спонтанному сексу.

– Имея такую требовательную по части потрахать женщину, было бы безответственно с моей стороны не относиться к вопросам ее удовлетворения серьезно. Если что не так, ты же меня можешь тонким слоем по стене растереть или, что еще хуже, бросить.

– Бросить? – Как будто я представляю себя без него. – Так невелика потеря для тебя! Вернешься к своим прежним играм в сексблаготворительность.

Сказала, и чуть не въехала в зад минивэну, остановившемуся на светофоре передо мной. Мы уже сто лет не шутили

на темы его прежней всеобщей доступности, и сейчас что-то снова шевельнулось в том месте за ребрами. Это же не призрак какой-то дурацкой неуверенности? Чушь же!

– Пупс! – рыкнул Риэр прямо-таки зло, но быстро «выключился», перейдя в наш обычный режим бесконечных подколок. – Ты представляешь, сколько это непосильного труда будет? Прежняя клиентская база устарела и утратила актуальность, а пока новую наработаю...

– Риэр-рр! – а теперь вызверилась уже я. Хотя и в шутку, но даже тень мысли, что он мог бы... Нет!

Риэр рассмеялся, посылая дрожь предвкушения по всем моим чувствительным местам.

– Я стал одомашнен и ленив, дорогая, так что всему остальному предпочту качественно ублажать тебя, – протянул он, и я услышала, как завелся движок его внедорожника. – Давай двигай домой, пупс, не хочу я уже с тобой трепаться, мне до смерти охота быть в тебе!

– Слушаюсь и повинуюсь! – ответила, давая ему услышать свой судорожный вздох, рожденный его словами.

– Рори! – абсолютно другим тоном, без единой нотки похоти или игривости. – Осторожнее на дороге!

Покинув напряженный городской трафик, свернула на проселочную дорогу, ведущую к нашему новому поместью. Вдавила педаль до полика, не обращая внимания на зубодробительную тряску на гравийке, уже вовсю позволяя в голове развиваться сценариям нашего с Риэром скорого воссоеди-

нения и отпускающая бушующую похоть на свободу, поэтому и не сразу заметила мельтешение его черного внедорожника, появившегося в зеркале заднего вида. Машина Риэра догнала мою малышку, как если бы та стояла на месте, и он стремительно подрезал меня, вынуждая затормозить. Выскочил чуть ли не на ходу, широкими шагами направившись в мою сторону, и достиг двери, прежде чем и отстегнуться успела. Ладно, дело отнюдь не в моей нерасторопности, а в том, что я натурально зависла, наблюдая за его приближением. Выглядел он так, что не знай я, как родных, демонов вождения, что сейчас толкали его нетерпеливую задницу в мою сторону, то могла бы и обделаться от устрашающего оскала, искажившего его лицо. А так... сидела, наблюдая за ним, словно чокнутая поклонница экстрима за тем, как на нее несется десятибалльный ураган, – с улыбкой одновременно идиотской и предвкушающей. Дверца моей машины трусливо взвизгнула, когда Риэр распахнул ее, едва не оторвав, и в мои губы практически врезались его, требовательные, бескомпромиссно жадные, пока он отстегивал тормозящую меня. Не церемонясь ни капельки, мой голодный волчара выдернул меня наружу, прижимая к металлическому боку тачки и тут же запуская обе загребушие лапищи под подол.

– Славатебегосподиплатье, – глухо и слитно пробормотал он, прикусывая шею, беспощадно расправляясь с моими трусиками.

– И тебе привет, дорогой, – захихикала я, но мгновенно

осеклась, ощутив, как он вжался пахом между моих гостеприимно раздвинутых ног.

– Расстегни! Сейчас же! – почти гневно рыкнул он, толкнувшись так жестко, что я едва не взвизгнула. Похоже, тут кое-кто оголодал совершенно не на шутку. Хотя, судя по дрожи, сотрясающей меня аж до лязганья зубов, таких двое.

Кажется, я сломала пару ногтей, расправляясь с его ремнем, пуговицей и молнией на джинсах, и даже бормотала что-то о том, что ношение гребаного килта внезапно нахожу необыкновенно привлекательным, но со всхлипом заткнулась, когда Риэр без крошечного намека на жалость прямо-таки вдавил свой член в меня. Громкое «бум» от моего затылка, врезавшегося в стекло машины, когда все тело привычно-шокирующе выгнуло от его охрененного проникновения, стало долбаным салютом, знаменующим это событие. Никогда, зараза, никогда я не смогу воспринимать этот первый миг нашего соединения как нечто обыденное. Принимать его в себя – всегда ошеломляюще, почти до слез больно, если бы не было так невообразимо хорошо. Каждый волосок дыбом, все нервные окончания взрывом в клочья, вразнос, душа насквозь и наизнанку, а ведь это еще даже не оргазм, это только чертово соединение минуса к плюсу, запуск электрического тока, которому не знаю равных.

Глава 3

Я не мог перестать вжиматься пахом между раздвинутых ног Рори, даже когда оргазм прокатился по мне, как груженный под завязку товарняк, разбивая все кости, превращая мышцы в желейную массу и вышибая на время способность соображать. Она всхлипывала, поражаемая идущими из глубины лона судорогами, которые передавались и мне, стимулируя все новые медленные толчки, хоть и чувствовал себя опустошенным досуха. Знаю, что совсем скоро опять буду готов, как ничего и не было, но сейчас только и был способен, что тыкаться лицом в изгиб ее шеи, целовать и лизать ее влажную солоноватую кожу, ошалевая и кайфуя от запаха и жара, исходяемого кожей Авроры. Так бы вечно и стоял. Ну, или до того, как не стану способным продолжить с того же места, на чем остановились, учитывая, что от моего пупса пока жалоб не поступало на прохладу металла под ее роскошной задницей. Но отдаленный звук приближающегося движка какого-то долбоящера, решившего именно сейчас ехать в нашу сторону, обломал мои великие планы на корню. Осторожно отпустил Рори, и она зашипела, неловко расставив ноги и с нарочитым упреком глядя на меня.

– У тебя там что, гребаный фонтан? – возмутилась она, пытаясь стереть все, что я в ней оставил, своими же бесславно погибшими трусиками. Жалкий кусок шелка ни черта не

справлялся с объемом поставленной задачи, а я, как самая примитивнейшая скотина, прямо-таки раздувался от понимания, что моя пупсытина изрядно уделана моей же спермой, и ни капельки стыда из-за ее небольшого дискомфорта не испытывал. Наоборот, внезапно появилось желание взять и втереть мой запах в ее кожу повсюду, покрыть с ног до головы, чтобы она носила его как несмываемый парфюм, но больше всего добавить его внутрь ее тела, где ему самое место. Именно этим я обязательно и займусь, как только мы доберемся до дома.

– Если ты голодный, то нам стоило бы что-то заказать, я ни черта не готовила. Не люблю есть дома, пока тебя нет, – пробормотала Рори, оглядываясь и явно собираясь запихнуть свои трусики куда-нибудь в машину, но я выхватил их и засунул в карман, нарочно привлекая ее внимание к не собирающемуся полностью опадать члену, и только после этого спрятал его в штаны.

– Ближайшие несколько часов я намереваюсь утолять совсем другой голод, дорогая, – усмехнулся я ее понимающей улыбке.

– А после этих часов я тем более буду не способна к кулинарии, – фыркнула она, одергивая платье и хлопнув меня по кисти, которой я ненавязчиво облапал ее левую грудь. Зараза. Что-то я просто не в состоянии перестать ее тискать, даже понимая, что это задерживает нас.

– У Барса полно консервов, – мне чуть ли не руками при-

шлось ноги переставлять, чтобы начать отходить от нее, – а ветеринар велел ему худеть, так что я его подрежу на жрачку, если сильно прижмет.

– Как знаешь, но я все-таки позвоню в доставку, – пожалала Рори плечами, усаживаясь в машину.

– Совершенно напрасно, ближайшее время некому будет выйти и забрать заказ! – нахально огрызнулся я и задом пошел к своей тачке. Блин, какая же пупс у меня охрененная, особенно когда вот такая: раскрасневшаяся, растрепанная, с этим влажным лихорадочным блеском в глазах, как у женщины, которую хорошо отымили только что и она точно хочет продолжения и знает, что оно будет.

До дома мы неслись как оглашенные, Рори припарковалась перед самым крыльцом, но только вылезла из салона, я подхватил ее, на ходу вытряхивая из туфель, и дверь толкнул спиной, целуя ее остервенело. Сука, скучал, всегда скучал по ней зверски, уезжая, но сейчас аж колбасило от неимоверного желания вернуться в нее, уничтожить все преграды и малейшее расстояние между нами. Дурел, не сдерживаясь, рычал и рвал ткань, освобождая себе путь, не в состоянии терпеть, усадил ее на тумбу в прихожей и трахал снова, как ополоумевший, будто и не занимались мы этим только что на дороге. Рори в долгу не осталась, и к финалу моя рубашка превратилась в ключья, а спина и плечи были исполосованы ее ногтями, в изгибе шеи горел след от укуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.